

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ/RUSSIAN LITERATURE
AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.79.6> EDN: SXQIST

ЭВОЛЮЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ МОРЯ-ОКЕАНА В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА

Научная статья

Мишра П.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0004-9521-0437;

¹ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (gayatri.pragya2001[at]gmail.com)

Предложена: 22.05.2026; Принята: 24.06.2026; Опубликовано: 09.07.2026

Аннотация

В статье рассматривается «психофизиологический» и онто-антропологический феномен символизации моря-океана в творчестве И.А. Бунина, отмечается, что возникающее «морское чувство» изначально соотнесено в произведениях писателя с простором родных полей, что оно наполнено живым сердечным переживанием «морского» как «степного». В дальнейшем в своем развитии «морское чувство» соотносится с опытом «библейских» переживаний моря-океана как «первостихии» и с историософскими представлениями о прародине: раннее (условно поэтическое) желание «крестить нагую душу в купели неба и морей», осуществляясь биографически плаванием по Индийскому океану и посещением Цейлона, художественно находит свое выражение в мотивах «нового рождения», откровения, «возвращения» в рай. Такая метафизическая направленность концептуализации моря-океана позволяет И.А. Бунину представить человека в масштабах, соизмеряющих его с первостихиями, мирозданием, Богом.

Ключевые слова: И.А. Бунин, водная стихия, место творения, откровение.

THE EVOLUTION OF ARTISTIC PERCEPTION OF THE SEA-OCEAN IN THE WORKS OF I.A. BUNIN

Research article

Mishra P.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0004-9521-0437;

¹ Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russian Federation

* Corresponding author (gayatri.pragya2001[at]gmail.com)

Suggested: 22.05.2026; Accepted: 24.06.2026; Published: 09.07.2026

Abstract

The article explores the "psychophysiological" and ontological-anthropological phenomenon of the symbolization of sea & ocean in the works of I.A. Bunin, noting that the initial "sea feeling" in the writer's works is primarily correlated with the expanse of his native fields and filled with a vivid heartfelt experience of the "sea" as "steppe". Later as this feeling evolves further, as stated in the article, it correlates with the "biblical" ideas of the sea & ocean as the "primordial element" and with historiographical ideas about the ancestral homeland: an early (figuratively poetical) wish to "baptize a naked soul in the font of heaven and seas", was realized biographically through Bunin's sailing at the Indian Ocean and visiting Ceylon. Artistically, this is expressed by the motifs of "new birth", revelation, and "return" to paradise. Such a metaphysical orientation of the conceptualization of the sea-ocean allows Bunin to imagine a person on scale with the primary elements, the universe, and God.

Keywords: Ivan Bunin, the water element, the place of creation, revelation.

Введение

Хорошо известно, что в литературном символизме океан (море/водная стихия) является мощным источником порождаемых им «объективных и субъективных» смыслов, — и поэтому он предстает в текстах как нечто большее, чем просто географическое или природное явление. Как показывает В.Н. Топоров, начиная с романтизма море-океан находит свое воплощение в виде «морского комплекса» с его «двусторонними» характеристиками. С одной стороны, море выступает как объект изображения с присущими ему устойчивыми свойствами: оно «...огромное, беспредельное, могучее, бурное, вольное, свободолюбивое и т.п. Все эти свойства моря, как и само оно, зримы, элементарно ощущаемы (в худшем случае естественно выводимы) и легко становятся знаком иных семантических матриц (сравнение, уподобление, параллелизм, аллегория, эмблема, символ и т.п.) и «заместителем» других образов — человека, в частности самого поэта, нередко помещаемого как в рамку между морем внизу и небом вверх» [14, С. 578]. С другой стороны, отмечает В.Н. Топоров, при «встрече» с морем в человеке может проступить «субъектность», онто-антропологические качества моря, когда «морская» тема обнаруживает себя в способах «...ее «разыгрывания» во внутренней психологически-ментальной структуре автора, ее укорененности в ней, носящей более глубокий и сущностный (более того, бытийственный) характер, чем все виды «внешних» зависимостей. Такое чувство характерно как раз для тех ситуаций, в которых субъект описания «переживает» описываемое как свою неотчуждаемую собственность, как некую неотъемлемую часть своего Я» [14, С. 579]. Более того, в таком восприятии моря есть

эффект «повторного переживания», возвращающего «человека к самому себе, к той сути своей, которая заглушена вторичным и эту суть не отражающим, к своим подлинным склонностям и потребностям» [14, С. 579].

О таком эффекте «повторного переживания», возвращающего в «пространство» вечного существования, «в отчее лоно своё» [4, Т. 6, С. 10] И.А. Бунина пишет в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева», когда рассказывает, какое впечатление на него произвела в детстве книга «Земля и люди» с многочисленными красочными картинками: «В тамбовском поле, под тамбовским небом, с такой необыкновенной силой вспомнил я всё, что видел, чем жил когда-то, в своих прежних, незамятных существованиях, что впоследствии, в Египте, в Нубии, в тропиках мне оставалось только говорить себе: да, да, всё это именно так, как я впервые “вспомнил” тридцать лет тому назад!» [4, Т. 6, С. 37].

Методы и принципы исследования

Обозначенная во введении проблема специфичности изображения моря-океана в произведениях И.А. Бунина как проблема не столько художественно-эстетическая, а сколько и в большей степени «психофизиологическая» и онто-антропологическая нуждается для своего успешного решения не в инструментальных методах, направленных на выявление художественных средств и приемов, а в аксиологическом подходе, нацеливающем исследователя на постижение ценностей рецептивно-ментального и религиозно-философского характера. Аксиологический подход, ориентированный на выявление «контекстных», культурно-исторических ценностей, свойственных интеллектуальной атмосфере изучаемого времени, открывает возможность «реконструировать» мироощущение человека в его уникальности и подлинности, не привнося ничего «извне», из понятийного арсенала последующих эпох, как об этом пишут С.С. Аверинцев, И.А. Есаулов, А. Швейцер [1], [7], [8], [16]. А рассмотрение онто-антропо-психофизиологической проблемы воплощения «морского»-«океанического» в творчестве И.А. Бунина как системной и целостной проблемы обеспечивается применением структурно-семиотического, историко-функционального и сравнительно-исторического методов, позволяющих представить и концептуализировать «океаническое» в виде особого тематического метатекста, проступающего в произведениях писателя и пробуждающего переживания прикровенных тайн бытия, укорененных в самом человеке [14]. В буниноведении онто-антропо-психофизиологическая проблема воплощения «морского»-«океанического» в ее синхроническом и диахроническом выражении не рассматривалась: необходимостью ее осмысления определяется актуальность данной статьи, так как ее решение позволяет уточнить фундаментальные основы религиозно-философских представлений И.А. Бунина о человека и мире.

Основные результаты

Речь таким образом идет о море-океане как о «первосущности». В творчестве И.А. Бунина море-океан (наряду с небом, горами, полями) относится как раз к таким «первосущностям», к «первинкам» бытия, с которыми человек связан своей «родовой» памятью. В произведениях И.А. Бунина море-океан предстает как онто-антропологическое явление, как пограничное пространство, где сходятся сознание человека и смыслы, посылаемые Вселенной. Устойчивое появление в текстах И.А. Бунина концепта «море-океан» в его субъектном выражении свидетельствует о более глубоком его значении, чем просто романтическая аллегория, указывает на то, что «душевное» обладает мощью сопряжения с «первосущностями», с бесконечным и вечным и, как пишет В.Н. Топоров, может иметь, «своим субстратом “психофизиологические” данные, сублимируемые и высветляемые до уровня стихий и энергий вселенского масштаба» [15, С. 428].

К корпусу «морских текстов» И.А. Бунина, в которых водная стихия по-разному выражена и концептуализирована, можно отнести лирические и прозаические произведения: «Далеко за морем» (1889), «Поздний час. Корабль и тих, и темен...» (1895), «Океаниды» (1903–1905), «Океан под ясною луной» (1911), «Ночлег» (1911), «Индийский океан» (1916), «Цейлон» (1916), «Море, степь и южный август...» (1916), «Море с голой степью говорило...» (1917), «Над морем дремлют, зеленеют...» (1901), «Звезда морей» (1901), «Туман» (1901), «Надежда» (1902–1932), «Море богов» (1907), «Копье Господне» (1913), «Братья» (1914), «Господин из Сан-Франциско» (1915), «Сны Чанга» (1916), «Соотечественник» (1916), «Отто Штейн» (1916), «В ночном море» (1923), «Город Царя Царей» (1924), «Ночь» (1925), «Воды многие» (1925–1926), «Жизнь Арсеньева» (1930) и др.

Как указывают Т.М. Двинятина и С.Н. Морозов, в творческой биографии И.А. Бунина море и природа Крыма, который он посетил в апреле 1889 года, «...заложили основы его собственной художественной метафизики» [5, С. 55]. Метафизическое восприятие природного богатства Крыма находит свое выражение, например, в таких стихах: «Звездный свет да океан зеркальный — / Царство этой ночи неземной. <...> / И душа исполнена предвечной / Красоты и правды неземной» (1895) [4, Т. 1, С. 99].

Но примечательно и другое. Не только «романтический ореол Крыма» и его «непривычный ландшафт», как считают исследователи, стали источниками художественной метафизики Бунина: она еще в своем осуществлении достаточно абстрактна и риторична, чтобы быть «живой» метафизикой («ночь неземная», «правда неземная»). А примечательно и принципиально то, что возникшее «морское чувство» изначально соотносено в произведениях И.А. Бунина с простором родных полей, что оно наполнено живым сердечным переживанием «морского» как «степного»: «Далеко за морем / Догорают вечер... / <...> И знакомой грустью / Сердце сладко ноет: / Кажется, что снова / По степи родимой / Еду я проселком, / И закат далекий / Долго-долго светит / Над стемневшим морем / Зреющих хлебов» (1889) [4, Т. 1, С. 69]. Можно даже утверждать, что «морское чувство» возникло до биографической встречи с морем, как «предузнавание» его образа в родных просторах: «В темнеющих полях, как в безграничном море, / Померк и потонул зари печальный свет» (1887) [4, Т. 1, С. 58].

Как видим, в своих первых проявлениях «морское» воспринимается И.А. Буниным через опыт восприятия родного и близкого. Обобщая можно сказать, что на раннем этапе творчества «морское чувство» обнаруживает себя или «возвращением» в известные пределы личного душевного переживания («море зреющих хлебов»), или порывом к

метафизически «таинственному» и «неземному», но лишённому пока ещё чувственно-конкретного воплощения («И душа исполнена предвечной / Красоты и правды неземной»).

В таком выражении «морскому чувству» не хватает трепетной душевной наполненности, живого переживания от встречи с водной стихией явлением (а не абстрактного обобщения): оно, чтобы быть антропологическим событием, а не фактом «литературности», нуждается не в эстетизации и романтизации и/или даже не в уподоблениях посредством «психологического параллелизма», а в «психофизиологизации», в аффективной встрече Я с «первосущностью», с водной стихией, пребывающей в мире от первых дней Творения.

Методологически и аксиологически необходимо заключить: для И.А. Бунина море-океан — это не просто место действия (не хронотоп) или исток поэтически ярких образов, а пространство экзистенциальных переживаний и духовных откровений. В рассказе «Туман» Бунин делится своим аффективным состоянием-вопросанием от «встречи», казалось бы, с известным и привычным (Черное море, ночь), но, как оказывается, несущим, таящим в себе сверхмерные смыслы, превосходящие понимание человеком даже причин и целей своего собственного существования: «Где мы? <...> в этих местах на Черном море я никогда не бывал... Я не понимаю молчаливых тайн этой ночи <...> Я совершенно одинок, я не знаю, зачем я существую.<...> зачем все это не просто, а полно какого-то глубокого и таинственного значения?» [4, Т. 2, С. 233-234]. Можно заметить, что в рассказе «Туман» И.А. Бунин говорит о каком-то экзистенциальном состоянии душевного предела, о тайне, которая ему ещё не открывается как глубина божьего присутствия: он пока одинок... в зримом, но не осознаваемом им присутствии сверхличной силы. Это такое одиночество, которое можно определить как одиночество на «границе Бога».

Восприятие И.А. Буниным моря-океана развивается как «библейский комплекс»: водная стихия осознаётся как «первосущность», сотворенная Богом и подвластная только Ему, и напрямую соотнесена с библейским контекстом: «...и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Бытие, 1:2); «Путь Твой в море, и стезя твоя в водах великих, и следы твои неведомы» (Псалтирь, 24:20) [2]. Цель такого сопряжения библейски первосущностного и человеческого малого выражена И.А. Буниным в призывании: «Помни дни Господни...» [4, Т. 5, С. 315].

При «встрече» с первозданной стихией, которая потрясает своей мощью всякое разумение и воображение, вдруг возникают переживания родства с сотворенным миром: стихия дарует человеку на границе этого потрясения «сдвоенные чувства»: ужаса, кошмара и — в точке сопряжения — радости, спасения, освобождения, благодарности. В полной мере данное состояние «двойного аффекта» [9] выражено в стихотворении «Звезда морей», в котором лирический герой уподобляет себя Ионе: «Я в бездне был, я жил кошмаром, / Скитаясь по волнам три дня. <...> / Вдруг — словно пламя на закате...<...> / И ниц упал я, ослепленный, / Восторгом жизни потрясен — И чей-то голос отдаленный / Прорезал мрак: “Спасен! Спасен!”» [4, Т. 1, С. 463-464].

Библейские очертания водной стихии постоянно просвечиваются в произведениях И.А. Бунина, в восприятии героя она переживается им как «возвращение» к первым дням творения: «...океан <...> как в первые дни творения» [4, Т. 5, С. 131]; «...кусочек моря, вдруг представшим мне страшным и дивным, первозданно новым...» [4, Т. 6, С. 268]; «... всю ночь шумело море — до времени, дремотно, с непонятым, угрожающим величием» [4, Т. 6, С. 177]; «Чувствуется море. Там хлябь и мгла. Угадываю их» [4, Т. 8, С. 23].

Человек во власти первозданной водной стихии, он внутри нее. И.А. Бунин настойчив и постоянен, даже стереотипен в описании такого «пленения» человека первозданным: «...ночь провел, предавшись воле божьей возле тонкой железной стенки, за которой всю ночь шумно переливались волны» [4, Т. 3, С. 314]; «В каюте, за тончайшей стеной которой, возле самой твоей головы, всю ночь шумит, кипит эта бездонная хлябь» [4, Т. 4, С. 275]; «Все дни и ночи широко размахивало нас в океане плавная мертвая волна» [4, Т. 4, С. 404]; «И вдруг опять ударило, и опять дико засвистало и глубоко окунуло, опустило в расступившуюся водяную пропасть... «Началось!» — подумал я с нелепой радостью» [4, Т. 5, С. 65]; «Я ходил по верхней палубе <...> Все время чувствовал тот жуткий в своей древности и вечности Образ <...> И это страшило, как страшит все великое, и восторгало» [4, Т. 5, С. 315]; «Иногда представляю себе себя самого, спящего, — беспомощно, без мысли и сознания лежащего в этой каюте, затерянного в океане. Как страшно и как хорошо!» [4, Т. 5, С. 332]; «Борт передо мной летел в лиловеющее облачное небо, а небо куда-то прочь, в бездну, потом вдруг открывалась и отвесно неслась прямо на меня равнина моря» [4, Т. 7, С. 274]; «Чанг <...> дышал взрытой утробой морских глубин, а корма дрожала, ее опускала и поднимала какой-то великой и несказанно свободной силой, и он качался возбужденно созерцая эту слепую и темную, но стократ живую, глухо бунтующую Бездну» [4, Т. 4, С. 381]; «О море! Мглой и хлябью довременной / Ты все-таки родней и ближе мне, / Чем радости всей этой жизни бренной!» [4, Т. 8, С. 23].

Как справедливо пишет Г.Ю. Карпенко, бунинский человек, находящийся во власти водной стихии (бездны, хляби), «занимает удобную духовную позицию для постижения сокровенного смысла личностного бытия и вселенского движения. Созерцание бездн “вырывает” человека из привычных социальных и бытовых связей, растормаживает его чувства, “обнажает” его душу, возрождая в ней “ветхозаветную” память близости к сотворенному миру» [10, С. 27]. Поэтому не случайно в поэзии И.А. Бунина возникает душевный порыв и устремленность к первостихиям, которые пока ещё условно поэтически оцениваются как место рождения и крещения: «Пора, пора мне кинуть суху, / Вздохнуть свободней и полней — / И вновь крестить нагую душу / В купели неба и морей!» [4, Т. 1, С. 392].

Как видим, море-океан, преобразуясь в «морской комплекс», имеет в творчестве И.А. Бунина не только словесное эстетическое оформление (литературно-художественный аспект), но и психофизиологическое выражение с характерным наполнением «океанического чувства» библейскими (религиозными) смыслами (онто-антропологический аспект).

Обсуждение

Раннее (условно поэтическое) желание «крестить нагую душу / В купели неба и морей» в творчестве Бунина осуществилось биографически — под влиянием историософских концепций эпохи, связанных с образом прародины, с устремленностью к берегам Индии и Цейлона, — и соединилось с чувством «восстановленного родства» с пращурами, с «возвращением» в рай. Как справедливо отмечает Е.Р. Пономарев, характерной «фактографической» основой создаваемого произведения И.А. Бунина является «нераздельность и неслиянность художественного и автобиографического текста» [12, С. 136].

Так, И.А. Бунин после посещения Цейлона, в марте 1914 года посылая Д.Л. Тальникову свой фотопортрет с дарственной надписью, отражающей не только библейские, но и буддийские настроения, связанные с морем: «Дорогой Давид Лазаревич, давно не выходят у меня из головы удивительные слова Будды: "Как птица, вспорхнувшая из кустарника, летит в лес, обильный плодами, так, покинув людей мелкого понимания, достиг я великого моря". Ах, как следовало бы всякому почаще вылетать из кустарника! Ив. Бунин» [11, С. 548].

Путешествие на Цейлон в феврале-марте 1911 года не только обогатило И.А. Бунина новыми яркими впечатлениями, но и стало биографической реализацией в творчестве библейских настроений и историософских идей, связанных как раз с Цейлоном и Индией.

Во время плавания И.А. Бунин в письме к брату Юлию пишет: «Мы уже в Индийском океане <...> Вид этого нового неба возбудил во мне странные чувства, точно я еще раз, сознательным, родился на земле <...> Индийский океан!» [11, С. 90].

И.А. Бунин был поражен потрясающей мощью океана и почувствовал себя «заново» рожденным как будто «индийский океан!» открыл ему «знание о себе прошлом»: он стал остро осознавать, что его мировосприятие возникло именно в «этих местах» («Соотечественник», «Город Царя Царей», «Ночь», «Воды многие»). Как утверждает писатель в рассказе «Воды многие», такое знание/мироощущение не формируется чтением книг, а рождается «утробно» здесь, в «месте творения» первостихий, о которых говорится в священных книгах: «Как смешно преувеличивают люди, принадлежащие к крохотному литературному миру, его значение для той обыденной жизни, которой живет огромный человеческий мир, справедливо знающий только Библию, Коран, Веды! <...> древнюю "покорность Вожатому"» [4, Т. 5, С. 327].

Величие Индийского океана в рассказе «Воды многие» (см. также: «Индийский океан», «Цейлон») побудило И.А. Бунина в качестве эпиграфа предпослать слова из Псалтири: «Господь над водами многими...». Писатель тем самым органично соединил в своем сознании-восприятии «индийское» и библейское. Рассказ «Воды многие» можно интерпретировать, как исполнение И.А. Буниным призыва воздать Господу славу и поклониться Ему в Его святилище. Этот призыв, который звучит в начале 28-го псалма: «Воздайте Господу, сыны Божии, воздайте Господу славу и честь, воздайте Господу славу имени Его; поклонитесь Господу в благолепном святилище Его. Глас Господень над водами; Бог славы возгремел, Господь над водами многими» (Псалтирь, 28: 1-3) [2].

Для И.А. Бунина Океан, помечаемый как имя собственное, становится духовной мерой, вызывающей в нем священное переживание. Оно формируется, прежде всего, в личном и интимном восприятии мира как Божьего творения. Океан пробудил в нем чуткость к первоначальным смыслам и ценностям бытия, которые открываются в созерцании и восторге «среди этого вечно юного Божьего лона, в первоначальности океана особенно» [4, Т. 5, С. 333].

Казалось бы, в рассказе «Воды многие» И.А. Бунин задается все тем же самым вопросом, которым он задавался в произведениях, таких как «Туман», «Далеко за морем», но в «Водах многих...» намечается и ответ: «...все с тем же вопросом в душе: за что и зачем? — и в этой же самой божьей безответности, — непостижимой, но никак не могущей быть без смысла, — обретая какую-то святую беззаботность»; «...далекие облака на северо-востоке, над этой таинственной Индией. <...> В море, в пустыне, непрестанно чуя над собой высшие Силы и Власти и всю ту строгую иерархию, которая царит в мире, особенно ощущаешь, какое высокое чувство заключается в подчинении, в возведении в некий сан себе подобного (то есть самого же себя)» [4, Т. 1, С. 327, 331-332].

Как заключает О.В. Сливницкая, «Те эмоции, которые испытывает герой Бунина, психологи называют фундаментальными. <...> У Бунина господствуют эмоции, порожденные пребыванием человека в космосе, а не пребыванием его в социуме» [13, С. 227]. Следовательно, когда И.А. Бунин пишет о море-океане, то он выражает не только нечто важное для самого себя, рожденное во «встрече» с водной стихией, но и что-то сокровенное для каждой человеческой души, но выражает данное состояние связанности с «первостихиями» в масштабах, соизмеряющих человека с природой, мирозданием, Богом: «"Путь Твой въ морѣ и стезя Твоя въ водахъ великихъ и слѣды Твои невѣдомы..." И я былъ въ страшной и сладкой близости Твоей, и безгранична моя любовь къ Тебѣ и крѣпка вѣра въ родимое, отчее лоно Твое! Спокойнымъ и предвѣчнымъ веселиемъ веселится свѣтлая ночь Твоя. — Какъ мнѣ благодарить Тебя? Какъ мнѣ выразить мою неизрѣченную любовь къ Тебѣ?» [3, С. 18].

Поэтому можно согласиться со словами О.В. Сливницкой об истоке душевных переживаний героев И.А. Бунина, чутких к восприятию первостихий, и обозначить их в качестве вывода: «...чувства рождаются не в душе, а зарождаются вне ее, в "Бездне-праматери"» [13, С. 227].

Заключение

Как видим, в творчестве И.А. Бунина океан (море/водная стихия) предстает как нечто большее, чем просто географическое или природное явление, вызывающее эмоциональный отклик и оформление в художественном слове. Восприятие моря-океана в произведениях И.А. Бунина с течением времени меняется. В ранний период творчества образ «морской стихии» наполняется свойствами родных полей — простора и безбрежности, дали и безграничности: никогда не виденное И.А. Буниным море описывается им условно «психофизиологически» через ряд знакомых качеств как поэтически условная реальность. В дальнейшем биографическое знакомство с морем пробуждает в художественном сознании писателя библейские ассоциации и аллюзии: оно уже не только безбрежно, но и страшит,

поражает своей мощью, оно такое же, как и в первые дни творения. Однако такое сближение с библейским контекстом носит тоже пока еще условно поэтический и даже аллегорический характер. Только плавание по Индийскому океану и посещение Цейлона формируют в творчестве И.А. Бунина органический сплав биографического и религиозно-художественного, — и тогда океан как первозаданная стихия находит свое выражение в мотивах «нового рождения», откровения, «возвращения» в рай. Таким способом море-океан как образ, концепт, символ — как воплощенное переживание, выраженное в художественном слове, — становится в творчестве И.А. Бунина в высшем своем измерении сакрализованным пространством, дарующим человеку и уникальный опыт личного переживания, и «мистическую встречу» с «первосущностью», осененной Богом, — дарующим особое знание «свыше» как откровение и пробуждающим «евхаристическое чувство» — чувство благодарности и любви к Нему.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы / С.С. Аверинцев. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. — 480 с.
2. Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. — Москва : Библейское общество, 1993. — 1376 с.
3. Бунин И.А. Из книги «Воды многие» / И.А. Бунин // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. — Вып. XXIX. — Париж, 1926. — С. 5–18.
4. Бунин И.А. Собрание сочинений : в 9 т. / И.А. Бунин. — Москва: Художественная литература, 1965. — 5346 с.
5. Двинятина Т.М. И.А. Бунин на пути в Палестину (1889–1903 гг.) / Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов // Литературный факт. — 2022. — № 2 (24). — С. 54–63. — EDN CDWHMN.
6. Двинятина Т.М. Палестинское путешествие И.А. Бунина 1907 года: хроника и контекст / Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов // Литературный факт. — 2022. — № 2 (24). — С. 64–94. — EDN CGHMLN.
7. Есаулов И.А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия / И.А. Есаулов // Проблемы исторической поэтики. — 1994. — Т. 3. — № 1. — С. 32–60. — URL: https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=3745.
8. Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание / И.А. Есаулов. — Санкт-Петербург : РХГА, 2017. — 550 с.
9. Карпенко Г.Ю. О сдвоенном аффекте в произведениях И.А. Бунина / Г.Ю. Карпенко // Повесть И.А. Бунина «Митина любовь»: современные оценки и трактовки. — Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2025. — С. 67–76.
10. Карпенко Г.Ю. Творчество И.А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков / Г.Ю. Карпенко. Самара : Издательство Самарской гуманитарной академии, 1998. — 114 с.
11. Морозов С.Н. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина : в 2 т. / С.Н. Морозов. — Москва : ИМЛИ РАН, 2017. — Т. 2: 1910–1919 — 1184 с.
12. Пономарев Е.Р. Предисловие к «Наброскам» / Е.Р. Пономарев // Литературное наследство. Т. 110: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1. — Москва : ИМЛИ РАН, 2019. — С. 132–169.
13. Сливицкая О.В. Повышенное чувство жизни: Мир Ивана Бунина / О.В. Сливицкая. — Москва : РГГУ, 2004. — 270 с.
14. Топоров В.Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах / В.Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. — Москва : Прогресс; Культура, 1995. — С. 575–622.
15. Топоров В.Н. О «психофизиологическом» компоненте поэзии Манделыштама / В.Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. — Москва : Прогресс; Культура, 1995. — С. 428–445.
16. Швейцер А. Мистика апостола Павла / А. Швейцер // Христос или Закон?. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2006. — С. 21–370.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Averintsev S.S. Poetika rannevizantijskoi literaturi [The Poetics of Early Byzantine Literature] / S.S. Averintsev. — Saint Petersburg : Azbuka-klassika, 2004. — 480 p. [in Russian]
2. Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisanija Vetkogo i Novogo Zaveta [Bible: The Books of Sacred Scripture of the Old and New Testaments] — Moscow : Biblical Society. 1993. — 1376 p. [in Russian]
3. Bunin I.A. Iz knigi "Vody mnogiye" [From the book "Many Waters"] // Sovremennye zapiski. [Contemporary Notes] — Paris. 1926. — Vol. XXIX. — P. 5–18. [in Russian]
4. Bunin I.A. Sbranie sochinenii [Collected Works] : in 9 vol. / I.A. Bunin. — Moscow : Khudozhestvennaya literatura, 1965. — 5346 p. [in Russian]

5. Dvinyatina T.M. I.A. Bunin na puti v Palestinu (1889–1903 gg.) [Ivan Bunin on the Way to Palestine (1889–1903)] / T.M. Dvinyatina, S.N. Morozov // Literaturnii fakt [Literary Fact]. — 2022. — № 2 (24). — P. 54–63. — EDN CDWHMN. [in Russian]
6. Dvinyatina T.M. Palestinskoe puteshestvie I.A. Bunina 1907 goda: khronika i kontekst [Ivan Bunin's 1907 Palestine Journey: Chronicle and Context] / T.M. Dvinyatina, S.N. Morozov // Literaturnii fakt [Literary Fact]. — 2022. — № 2 (24). — P. 64–94. — EDN CGHMLN. [in Russian]
7. Esaulov I.A. Literaturovedcheskaya aksiologiya: opit obosnovaniya ponyatiya [Axiology of literary criticism: concept establishment experience] / I.A. Esaulov // Problemi istoricheskoi poetiki [The problems of historical poetics]. — 1994. — T. 3. — № 1. — P. 32–60. — URL: https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=3745. [in Russian]
8. Esaulov I.A. Russkaya klassika: novoe ponimanie [Russian classic: New Understanding] / I.A. Esaulov. — Saint Petersburg : Russian Christian Humanitarian Academy, 2017. — 550 p. [in Russian]
9. Karpenko G.Yu. O sdvoennom affekte v proizvedeniyakh I.A. Bunina [The Double Effect in I. A. Bunin's Works] / G.Yu. Karpenko // Povest' I.A. Bunina "Mitina lyubov'": sovremennye ocenki i traktovki [The Short Story "Mitina's Love" by I.A. Bunin: Contemporary Assessments and Interpretations]. — Voronezh: VSU Publishing House, 2025. — P. 67–76. [in Russian]
10. Karpenko G.Yu. Tvorchestvo I.A. Bunina i religiozno-filosofskaya kul'tura rubezha vekov [The Works of I.A. Bunin and the Religious-Philosophical Culture of the Turn of the Century] / G.Yu. Karpenko. — Samara : Samara Humanitarian Academy Publishing House, 1998. — 114 p. [in Russian]
11. Morozov S.N. Letopis zhizni i tvorchestva I.A. Bunina [Life and Creativity Chronicle of I. A. Bunin] : in 2 vol. / S.N. Morozov. — Moscow : IMLI RAN, 2017. — Vol. 2: 1910–1919. — 1184 p. [in Russian]
12. Ponomarev E. R. Predislovie k "Nabroskam" // Literaturnoye nasledstvo. T. 110: I.A. Bunin. Novye materialy i issledovaniya. Kn. 1 [Literary heritage. Vol. 110: I.A. Bunin. New materials and research. Book 1]. — Moscow : IMLI RAS. 2019. — P. 132–169. [in Russian]
13. Slivitskaya O.V. Povishennoe chuvstvo zhizni: Mir Ivana Bunina [Heightened Sense of Life: The World of Ivan Bunin] / O.V. Slivitskaya. — Moscow : RGGU, 2004. — 270 p. [in Russian]
14. Toporov V.N. O "poeticheskom" komplekse morya i yego psikhofiziologicheskikh osnovakh [The "Poetic" Complex of the Sea and Its Psychophysiological Foundations] / V.N. Toporov // Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoe [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in Mythopoetics. Selected Works].— Moscow : Progress; Kultura, 1995. — P. 575–622. [in Russian]
15. Toporov V.N. O "psikhofiziologicheskom" komponente poezii Mandelshtama [The "Psychophysiological" Component of Mandelstam's Poetry] / V.N. Toporov // Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in Mythopoetics. — Moscow : Progress; Kultura, 1995. — P. 428–445. [in Russian]
16. Schweitzer A. Mistika apostola Pavla [The Mysticism of the Apostle Paul] / A. Schweitzer // Hristos ili Zakon? [Christ or the Law?]. — Moscow : Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2006. — P. 21–370. [in Russian]